

Григорий Осипович Винокур*
(1896–1947)

© О. В. НИКИТИН,
доктор филологических наук

О «пушкинистике» Г.О. Винокура уже написано немало работ. Это особая, едва ли не самая излюбленная им сфера филологических раздумий. Здесь талант ученого выразился с большой силой, вдохновением, начиная с его классических комментариев к «Борису Годунову» и «Евгению Онегину» А. С. Пушкина, литературно-критических и лингвистических статей и завершая «Проектом Словаря языка Пушкина» (М.–Л., 1949) – уникального лексикографического события в культурной жизни России, у истоков разработки концепции которого стоял Г.О. Винокур [1].

Казалось бы, в пушкинистике того времени, переживавшей подъем, где блистали такие имена, как М.А. Цявловский, Б.В. Томашевский, С.М. Бонди, Д.Д. Благой, В.В. Виноградов и др., сказать новое слово об А.С. Пушкине, выделиться в потоке многочисленных изданий и статей совсем непросто. Но Г.О. Винокур и здесь руководствуется своим специфически-филологическим чутьем. Он обладал мастерством понимания и интерпретации текста, вхождения в культурные традиции

* Окончание. Начало см. Русская речь. 2017. № 1

пушкинской эпохи, с каким-то особым интеллектуальным талантом критика поднимал острые проблемы изучения и издания А.С. Пушкина и тем самым показывал направление и содержание дальнейшей филологической работы над текстом.

Думается, не случайно ученый взялся за изучение такого произведения А.С. Пушкина, как «Борис Годунов». Здесь критическая одаренность Г.О. Винокура проявилась в полной мере. Его комментарии [2] – это целая энциклопедия научной мысли со строгими филологическими принципами, четким структурированием, погруженностью в философию, историю, биографию и текстологию эпохи с такой глубиной и проникательностью, что облик великого поэта, в чем-то уже статичный, с лоском традиционности, воспринимается совсем по-иному.

При изучении наследия А.С. Пушкина Г.О. Винокур решает сложные филологические задачи, не получившие однозначного понимания в то время. Одна из них – языковая и стилистическая полифония текстов поэта, выразившаяся в создании такого шедевра, как «Борис Годунов». По сути дела, Г.О. Винокур верно называл А.С. Пушкина преобразователем драматического языка, виртуозным мастером словесной орнаментики и невольно полемизировал с В.В. Виноградовым. «...Пушкин, – писал Г.О. Винокур, – был чужд пониманию слога как какого-то отвлеченного начала, действующего в качестве независимого и непрекаемого закона. Вообще деление языка на какие бы то ни было “слоги” в духе замкнутых, жестких жанровых категорий есть нечто совершенно несовместимое с тем, что дал Пушкин русскому литературному языку» [3. С. 360].

Мнение ученого о филологическом таланте А.С. Пушкина, как мы полагаем, тоньше и глубже многих хрестоматийных фраз, пусть и вошедших в классическое сознание пушкинистики. Великий поэт для него не статичен, его невозможно притянуть к какой-то традиции, уложить в рамки единого направления, сделать адептом карамзинской теории. Г.О. Винокур очень осторожен в оценке языковой «квалификации» А.С. Пушкина и никогда не теряет филологической зоркости и понимания уникальности исторического момента. Приведенные слова ученого о поэте являются образцом филологической критики, подлинным искусством осмысления текста: «Язык “Бориса Годунова” представляет своего рода лабораторией, в которой изящество, страстность, сладкогласие и простота языка пушкинской лирики... вступают в прочное соединение с элементами книжно-поэтического языка XVIII века, переосмысленными под углом зрения национально-исторического, “лепотисного” языкового мышления» [Там же. С. 374].

Нелицемерную позицию в пушкинистике Г.О. Винокур отстаивал всю сознательную жизнь. Для него «поэт-творец» и «человек» – нераздельные ипостаси одного «божества» – Пушкина. Исследованию его

творчества он посвятил свою докторскую диссертацию «Очерки текстологии и языка Пушкина» (1942). В ней принципы канонического филолога были воплощены с особой тщательностью. С.О. Шмидт очень хорошо подметил эту черту научной манеры Г.О. Винокура, который «смотрит на себя “не как на историка литературы” и “не как на лингвиста”, а прежде всего “как на филолога в специфическом понимании этого термина”. И далее указывает, что “самый дух филологии как совокупности наук, исследующих историю культуры в ее словесных воплощениях, стал совсем редким гостем в научно-исследовательской практике гуманитарных наук современности”» [4].

Г.О. Винокур живо интересовался проблемами истории русского литературного языка и первым в нашей традиции выстраивал данный курс как историю изучения текстов, т.е. стилей в его представлении. Этот опыт вырисовывался у него не только из личной симпатии к художественному и бытовому слову, но и из большого опыта занятий со старинными фолиантами. Классическую традицию, идущую от его учителей по Московскому университету Д.Н. Ушакова, М.Н. Петерсона, В.Н. Щепкина, он неизменно практиковал на своих занятиях, когда учил студентов искусству *чтения* текста – распознаванию его фонетических, грамматических и стилистических «фигур», из которых создается оригинальное словесное полотно. Именно с этого и начинались у него занятия по истории литературного языка.

Ключевая работа Г.О. Винокура в этом отношении «Русский язык. Исторический очерк» (1945), «книга для чтения», как ее называл сам автор. При внешнем традиционном построении (от глав о происхождении русского литературного языка до его развития в конце XIX–XX вв.) здесь немало нового и оригинального. Так, отдельная глава посвящена славянским языкам, писать о которых стало возможно в годы Великой Отечественной войны (именно тогда создавалась книга). Автор использовал такие «буржуазные» и «устаревшие» термины, как *индоевропейский язык*, *древнецерковнославянский язык*, *п्राязык*, *сравнительно-историческое изучение языков* и другие, отвергнутые марристами понятия.

Г.О. Винокур подчеркивал в духе дореволюционной школы компаративистики, что «факт генетической связи индоевропейских языков по группам и внутри групп остается вполне доказанным и несомненным» [5. С. 13]. «Непопулярная» в 1930-х годах диалектология, фактически свернувшая с прежних позиций в сторону социологизаторства, получила объективное освещение в главе «Русские диалекты», которые «представляют собой ту или иную форму взаимодействия между общим литературным языком и местными говорами деревни» [Там же. С. 18]. Автор подробно описывал фонетические, грамматические и лексические особенности севернорусских, южнорусских и среднерусских говоров,

говорил об их происхождении по концепции академика А.А. Шахматова, которого назвал «гениальным русским ученым» [Там же. С. 21].

Кстати, кроме А.А. Шахматова, в книге Г.О. Винокура встречаются имена и других опальных лингвистов – академика А.И. Соболевского, члена-корреспондента АН СССР А.М. Селищева, идеи которых не вписывались в официальное «новое учение о языке» и часто дискредитировались его апологетами, а также антимарриста индоевропеиста А. Мейе, что свидетельствует о твердости научной позиции Г.О. Винокура в отстаивании своей концепции.

Другая глава посвящена памятникам истории русского языка, среди которых многие источники древнего периода представляли собой произведения богослужбной или связанной с церковной культурой литературы. В своем обзоре текстов Г.О. Винокур давал не только общую характеристику рукописей (как они выглядят, каким почерком написаны), но и рассуждал о содержательной стороне текстов, выделял в их структуре элементы живой речи, писал о том, что «унифицированная норма церковнославянской грамотности» в памятниках древнерусского периода «затрудняет построение русской исторической диалектологии...» [Там же. С. 35].

В книге обсуждалась также и новая в то время концепция происхождения русского литературного языка академика С. П. Обнорского, который полагал, вопреки традиционному взгляду о ведущей роли старославянского языка в допетровское время, что в древний период функционировал русский литературный язык на народной основе. Г.О. Винокур не разделял полностью указанные точки зрения, подчеркивал значительную роль «обиходного начала» в эпоху Московской Руси, утверждал о существовании разных форм устной и письменной речи, то есть «о явлении, называемом в современной лингвистике диглоссией» [б. С. VI], что исключительно важно для понимания дальнейшего развития этой науки.

Во всем очерке минимум ссылок на источники и научную литературу, но книгу нельзя воспринимать как своего рода популяризаторство. За внешней «простотой» скрываются глубокие размышления ученого о развитии русского литературного языка. Особенно ему удалось главы, посвященные XVIII веку – тот материал, который он профессионально знал, изучал и любил. Впервые так подробно и доступно Г.О. Винокур описывал, в частности, «новый русский книжный язык», говорил об «эмансипации культуры от церкви», «об обновлении и обогащении русской специальной и бытовой терминологии», выделял так называемую приказную традицию и отмечал ее роль в формировании книжно-письменного языка, анализировал особенности деловой речи и ее трансформацию в «гражданское посредственное наречие» в XVIII столетии, привлекал новые интересные источники для характеристики

культурно-языкового портрета эпохи. Живо и содержательно ученый рассказывал о специфике языка повествовательной литературы XVIII века, о роли В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова в становлении новой традиции литературного языка, которая разрабатывалась с позиции «стилистического применения наличных средств языка» [С. 133].

Особое место в главе «Создание общенациональной нормы» отведено А.С. Пушкину, который, по мысли Г.О. Винокура, «был не столько реформатор, сколько великий освободитель русской речи от множества сковывавших ее условностей» [Там же. С. 98]. Ученый одним из первых в отечественной филологической традиции стал изучать язык *прозаических* произведений поэта. Сравнивая писательские манеры Карамзина («Рыцарь нашего времени») и Пушкина («Дубровский»), Г.О. Винокур отдает предпочтение второму из них и возносит его на подобающий пьедестал русского волшебного слова: «Простота, естественность, чувство меры и полной внутренней свободы в подборе языковых средств характеризуют художественную речь Пушкина как со стороны ее словарного состава, так и в отношении композиционного построения. Изящно отделанный, но нередко кудрявый и растянутый синтаксис Карамзина под пером Пушкина сменился энергичным и точным лаконизмом, сжатой деловитостью изложения» [Там же. С. 98–99]. По словам самого Г.О. Винокура, его интересовала история «художественного (курсив наш. — О.Н.) употребления русского языка». Именно этот аспект он выделил в своей работе как основной при описании развития литературного языка XVIII–XX вв.

Книга получила большую известность за рубежом и стала своего рода визитной карточкой советской историко-лингвистической школы. Ее издавали четырежды: в 1947 г. в Париже в Институте славянских исследований появился перевод на французский язык, в 1949 и 1955 гг. — дважды в Лейпциге на немецком языке, и в Кембридже в 1971 г. в переводе на английский язык.

Безусловно, и здесь в такой, казалось бы, «студенческой» книжке ярко выразилась творческая индивидуальность Г.О. Винокура с его стремлением проникнуть в историко-культурную канву эпохи, почувствовать ее дыхание, угадать тонкости символических перевоплощений в языке, понять замысел текста и его автора в концептосфере событий и лиц противоречивой истории русского литературного языка.

В конце XX века имя Г.О. Винокура вновь стало популярным. И это не удивительно: новая эпоха требовала пересмотра позиций некоторых советских ученых. И по своим работам, и по человеческому облику, и по тому грандиозному культурному фундаменту, на котором он вращивался, Григория Осиповича Винокура можно отнести к классическому

поколению филологов XIX века [7]. Но все же он ученый не только XX столетия, но и XXI.

В чем же заключается притягательная сила его филологических трудов?

Во-первых, их просто интересно читать, ведь они написаны действительно мастером слова, который без обилия принятых ныне ссылок и цитат глубоко, доказательно и стилистически безукоризненно провозглашал ценные для науки лингвистические и литературоведческие постулаты. Многие его мысли и сейчас звучат живо и актуально.

Во-вторых, Г.О. Винокур откликнулся, особенно в ранний период творчества, на самые свежие и порой противоречивые идеи нового филологического строительства, смело и без идеологической пододелки высказывал свои мысли и был одним из самых образованных филологов того времени. Его энциклопедизму можно только поражаться: от многочисленных статей и дискуссий по поэтическому слову, работ на модные в начале XX века этнологические и формалистические темы до вопросов языковой политики, лексикографии, словообразования, истории языка... Все это, безусловно, вошло в копилку филологии и оказало влияние на формирование школ и направлений отечественной науки.

В-третьих, Г.О. Винокур почти никогда не занимался только академической работой. Вся его деятельность была связана с *просвещением* в том высоком смысле слова, какой он впитал с традициями своих учителей. Он был пропагандистом и популяризатором науки. И эта практическая направленность многих его работ, их обращенность к живому человеку, к поиску нового всегда присутствует в словесной ткани всех его произведений. Н.М. Шанский, один из последних учеников Г.О. Винокура, очень точно выделил это качество личности своего учителя: «Г.О. Винокур не мыслил себя лингвистом вне общественной практики. “Элитарная” лингвистика априорных построений и дремучего мезотаязыка не привлекала его никогда. Он всю жизнь исходил из того, что даже самые сложные и фундаментальные вопросы лингвистической стратегии должны излагаться насколько возможно просто и обязательно иметь выход в языковую практику и повседневную жизнь» [8. С. 4].

В-четвертых, Г.О. Винокур – видный теоретик языка и в целом филологии, и его методологические принципы оказались действенными в разработках российских ученых более позднего времени и вполне конкурентоспособными с лучшими образцами западной лингвистической мысли, и прежде всего – его идеи в области социолингвистики и экологии языка, стилистики и эстетики слова, стиховедения и «поэтического языкознания», филологической критики и текстологии.

В-пятых, Г.О. Винокур своими трудами разрабатывал *новую* систему филологии как науки, формулировал те ее опорные моменты, которые выводили эту дисциплину из лона устаревшего противостояния

двух подходов в изучении языка в совсем другую плоскость осмысления словесности. И многие его мысли только сейчас начинают пониматься и интерпретироваться, когда вновь начала ощущаться потребность в филологических идеях.

Сегодня мы вспоминаем Г.О. Винокура как «будетлянина» филологической науки — ее самобытного творца и идеолога, реформатора словесности, обращенной к будущему, а значит, постигающей себя в новых «технологиях», но остающейся верной традиционной системе ценностей. Без нее немыслима отечественная наука настоящего. Без нее невозможна и наука будущего. С этими исканиями жил Г.О. Винокур и постоянно думал о филологии как о нечто большем, чем просто история культуры в ее словесном выражении. Этот путь — к филологии — он прошел самостоятельно, не без скитаний и столкновений, и мечтал создать свое «Введение в изучение филологических наук» [9], в котором истолкование текста будет главным связующим звеном между филологией как изучением языка и вообще процессом понимания слова и филологией как историей национальной культуры.

В довоенные годы Г.О. Винокур преподавал в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ), где работал весь цвет тогдашней филологии. Однажды студенты обратились к нему с просьбой написать заметку для ифлийской стенгазеты. Так родились «Воспоминания моей юности» — наверное, самый тонкий, живой, искренний, какой-то совсем личный дневник, где проглядывает его неподдельный человеческий облик. Они заканчиваются таким откровением: «Я предан науке всем своим существом, но это потому, что я полон горячей веры в себя и в свое дело. Я твердо знаю, что моя страсть к науке это не “пленной мысли раздражение”, а действительное призвание. Я знаю, что я действительно ученый, настоящий ученый. Пусть “мой дар убог, и голос мой негромок”, но моя Муза, я это знаю, обладает и “лица всеобщим выраженьем” и “достоинством обдуманых речей”» [10. С. 465].

Чем привлекал к себе Г.О. Винокур как личность? На этот вопрос очень хорошо ответил С.И. Ожегов: «Человеческим отношением к людям. Исключительной научной честностью и принципиальностью в научных взглядах. Глубокой заинтересованностью в развитии науки. Действительно, любую проблему, большую или малую, он решал со всей научной страстностью. (...) Он был филологом в настоящем смысле этого слова...» [11. С. 460].

Много лет тому назад мне посчастливилось побывать в квартире Г.О. Винокура на Арбате (я тогда готовил публикацию писем и консультировался у его зятя С.В. Киселёва). Казалось, там осталось всё, как и прежде, но особенно мне запомнились удивительные книги, многие из них на немецком и других европейских языках: на полках аккуратно стояли классические труды А.А. Шахматова и другие шедевры мировой

филологической мысли (часто с автографами). Например, Л.В. Щерба сделал такую дарственную надпись на своей книге «Востоchnолужицкое наречие» (Пг., 1915): «“Редкому” читателю Григорию Осиповичу Винокуру от автора». Сейчас часть семейной коллекции хранится в Отделе редких книг библиотеки РГГУ [12]. И по этому наследию тоже можно говорить об ученом высокой научной культуры. Так, в его собрании были «Грамматика» М. Смотрицкого XVII в., «Лексикон трезязычный» Ф. Поликарпова XVIII в., «Словарь Академии Российской» с личным экслибрисом Александра II на форзаце, все полные собрания сочинений А.С. Пушкина XIX–XX вв. и труды, посвященные его творчеству, прижизненные издания поэтов и писателей Серебряного века: А.А. Блока, В.Я. Брюсова, Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, К.Д. Бальмонта, А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилёва...

Замечательны слова Г.О. Винокура, в которых он с трепетом говорил о своем жизненном предназначении: «Мой путь – к филологии (...). И отсюда я уже не сверну никогда, разве только с духовной смертью» [13. С. 66–67]. В этом – весь Винокур, с его непоколебимыми нравственными и научными заповедями, весь его ученый облик ищущего мыслителя, уловившего живой дух Слова за мертвой буквой текста.

Литература

1. Словарь языка Пушкина: В 4 т. / АН СССР; Гл. ред.: акад. В. В. Виноградов. М., 1956–1961.
2. Впервые опубликовано в изд.: Пушкин [А.] [С.] Полн. собр. соч. Т. VII. М.–Л., 1935. С. 385–505.
3. *Винокур Г.О.* Язык «Бориса Годунова» // Полное собрание трудов. Т. 3: Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. М., 1999.
4. См. подробнее: РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. № 64. Лл. 2–3. Цит. по изд.: *Шмидт С.О.* Г.О. Винокур и академическое издание пушкинского «Бориса Годунова» // Винокур Г. О. Полное собрание трудов. Т. 3: Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. М., 1999. С. 17.
5. *Винокур Г.О.* Русский язык. Исторический очерк // *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
6. *Алпатов В.М.* «Русский язык» Г.О. Винокура // *Винокур Г.О.* Русский язык. Исторический очерк. М., 2006.
7. Подробнее о биографии и научном наследии Г.О. Винокура см.: *Цейтлин Р.М.* Григорий Осипович Винокур (1896–1947). М., 1965; *Булахов М.Г.* Винокур Григорий Осипович // Восточнославянские языковеды. Т. 2. Минск, 1977. С. 122–129; *Бархударов С.Г.* Г.О. Винокур // *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 3–8; *Григорьев В.П.* Предисловие // *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. М., 1991. С. 5–17; *Цейтлин Р.М.* О Григории Осиповиче

- Винокуре—ученом и педагоге // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999. С. 9—14; *Шапир М.И.* // *Винокур Г.О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 256 и далее.
8. *Шанский Н.М.* Григорий Осипович Винокур // *Винокур Г.О.* Избранные труды по языкознанию и культуре речи / Сост. С. В. Киселёв. М., 2010.
9. *Винокур Г.О.* Введение в изучение филологических наук. Вып. 1 // Проблемы структурной лингвистики, 1978. М., 1981. С. 3—58 (включая предисловие «От публикаторов»).
10. *Винокур Г.О.* Из воспоминаний моей юности (1940) // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999.
11. *Ожегов С.И.* Памяти Г.О. Винокура // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М., 2001.
12. *Фукс И.В.* Коллекция Г.О. Винокура и Т.Г. Винокур в Отделе редких книг библиотеки Российского государственного гуманитарного университета // Румянцевские чтения — 2014. Ч. 2: Материалы международной научной конференции. М., 2014. С. 313—316.
13. Цит. по изд.: *Винокур Г.О.* Письмо к Р.О. Якобсону от 18.08.1925 / Подгот. текста С.И. Гиндина и Е.А. Ивановой // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. № 6.

Московский государственный областной университет